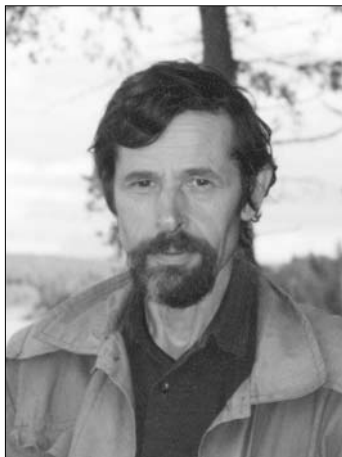

ПЁТР СТОЛПОВСКИЙ

ПОНЯТИЕ ЖЕНСКОГО РОДА

РАССКАЗ

Жён надо беречь. Оберегать, охранять, ограждать от всего, что может нарушить их божественное спокойствие, душевное равновесие и, соответственно, драгоценное здоровье. Это истина. Оспаривать её — верх неприличия.

Лёша Кузюкин, конечно, знал эту истину, но не всегда её помнил. Не из-за дурного воспитания, а по причине сугубого простодушия. Прост, как дрозд, Лёша Кузюкин, немудрёный, как гриб солёный. Никто его за язык не тянет, а он — ляп Верунчику своему про то, что жене знать совсем необязательно и даже вредно. Про рыбалку, к примеру. А ведь знает, знает, что для женщины тема рыбалки посложнее будет, чем теория относительности Эйнштейна. Сам же не раз говорил: “Извини, конечно, Верунчик, но рыбалка — это понятие чисто мужского рода”.

Тут он, конечно, прав на все сто. Посудите сами, может ли нормальная женщина понять что-то в таком, скажем, ненормальном телефонном диалоге:

— Привет! Наточил?

— Как огонь!

— Кровь кипит?

— Да прямо выкипает!

— Тогда в двадцать четыре с двумя нулями, плюс-минус исключается.

— Куре?

— Сообщаю по большому секрету: на северо-северо-восток с поправкой на нестабильность магнитных полюсов.

СТОЛПОВСКИЙ Пётр Митрофанович родился в 1943 году в Сибири. Окончил Коми педагогический институт. Работал журналистом, редактором. С 1999 года — директор Коми издательства. Автор книг прозы, в том числе детских. Член Союза писателей СССР с 1982 года. Заслуженный работник культуры Республики Коми. Живет в Сыктывкаре.

Скажете, бред беременной сороги? Это смотря для кого. Для рыбака — исчерпывающая информация, для женщины — *сапоги всмятку*.

И не жалко же было Лёше Кузюкину своего Верунчика, когда расписывал всеми цветами и полутонами прелести далёкой речки Ловью, куда ездил он иногда с приятелями на рыбалку! Разукрасил, завитушек романтических повывешал. Впечатлительная Верунчик руками всплеснула, глаза мечтательно закатила. “Ах, Лёшенька, я по твоей красавице речке весь покой растеряла, наверно, опять бессонница начнётся, а от бессонницы у меня всегда давление прыгает, как кенгуру, а от давления — знаешь, что бывает? Скажу, так ты тоже запрыгаешь и покой растеряешь. Так что, Лёшенька, заводи машину, поедем рыбачить вместе на эту самую Ловью”.

Лёша хмыкнул так, что сразу было понятно: жена может попасть на рыбалку только через его надёжно охлаждённый труп.

— Кузюкин! — гневно воскликнула жена, придав голосу удвоенную... нет, утроенную решительность, и Лёша позорно сник.

— Ну, вот, сразу Кузюкин...

Он терпеть не мог, когда Верунчик называла его по фамилии.

— Да, Кузюкин! — напирала Верунчик. — Фамилия у тебя такая: Ку-зю-кин!

— А ты Кузюкина, — вовремя вспомнил Лёша.

— Я Кузюкина по причине замужества, а ты — по состоянию души.

— Ты же знаешь, мой род не Кузюкиных, а Кузьминых. Писарь, собака пьяная...

— Вот-вот, писарь виноват. Докажи теперь — полтора века прошло с крепостного права...

Перепалки между Кузюкиными случались очень редко, и всегда Лёша проигрывал их ещё до того, как они разгорались. Можно было не тратить патроны, а сразу, после первого залпа выходить из окопа с высоко поднятыми руками.

Короче говоря, не уберёт Кузюкин божественное спокойствие любимой жены — сдался, подписав кабальный мир, то бишь дал согласие взять Верунчика на рыбалку. Можно сказать, невоздержанным своим языком по её здоровью шмякнул.

Это во-первых. А во-вторых, сами подумайте: как называется рыбалка, когда жён с собой берут? Вот именно: как угодно, только не рыбалка.

Слово не воробей. Рано поутру Лёша подогнал к подъезду чудо родного автопрома четырнадцатой модели и загрузил в багажник всё, что приготовил с вечера. Прежде всего, приготовил самое главное — лодку и удочку с рыбацкой сумкой. Эту основу основ — удочку с сумкой — бережно поставил возле входной двери. В уголок по правую руку. Очень разумно! Что угодно можно забыть, а вот основу основ оставить дома можно только вместе с головой.

Первым делом в багажник нырнула “резинка”, то бишь лодка надувная со всеми её причиндалами. Следом улеглась пара котелков с кружками-ложками и прочими кухонными делами. Потом — пузатая сумка с продуктами. Тут Верунчик хозяйничала, Лёша самолично проверил только чай, сахар да соль. Далее в багажник протиснулся складной столик со складными же сиденьями. Затем...

— Много ж набирается, Верунчик!

— А ты как думал, Лёшенька! Это только экстремалы вроде тебя на целый день едут с куском хлеба в зубах.

На заднем сиденье — одежда на любые капризы северной погоды, запасная обувь с носками, накидки непромокаемые, шляпы недосыгаемые, пятое-десятое, да ещё мелочей всяких набралось на безобразно расплывшую сумку...

Да уж, берёшь с собой жену на один день, готовь контейнер средних размеров.

— Верунчик, ты фотоаппарат взяла?

— Взяла.

— А книгу какую-нибудь взяла? Вдруг заскучаешь.

— Лёшенька, кто же на природе скучает? Заскучаю, так ты мне споёшь и спляшешь. Взяла, взяла книгу. А ты сухари свои на прикормку взял?

— Сейчас гляну... Взял!

— Насос лодочный на месте?

Глубокий вздох. Чем глубже, тем лучше.

— Верунчик! — сказал со значением. — Я без насоса на рыбалку не езжу.

— Ну, если ничего не забыли, вперёд — на красавицу твою писаную!

Восемьдесят километров мчали по приличной автотрассе. Двадцать ехали по дырявому асфальту эпохи Никиты Сергеевича. Ещё десять двигались по неукатанному просёлку, на котором четырнадцатая модель переваливалась с боку на бок, как утка пенсионного возраста. А последние пять километров ползли по старой лежнёвке, где сантиметр вправо-влево — и сиди на брюхе до морковкина заговенья.

Верунчик сначала разглядывала проплывающие мимо пейзажи, потом малость вздремнула, затем послушала какую-то несусветную поп-дредбедень. А лежнёвку она не заметила, потому что с непонятным упрямством крутила пуговки радиоприёмника — искала программу про очередные панацеи.

— Лёшенька, это важно.

— Конечно, важно, — не спорил Кузюкин. — Говорят, даже после смерти помогает.

Программа не обнаруживалась. Наверно, панацеи были запрещены президентским указом ради сохранения здоровья нации, только Верунчик этого не знала.

— Приехали! — объявил Лёша, вырубив на песчаную площадку, окружённую с трёх сторон бронзовоствольным сосновым бором.

— Красотища!.. А речка где?

— Там, внизу, — кивнул Лёша в сторону обрыва.

Верунчик вышла из машины, раскинула в стороны руки, оглядывая красоту, и не было сомнений, что сейчас она взлетит и запорхнет восторженной бабочкой. Но полёт был отложен.

Выше по течению Ловью порожистая, быструструйная, а ниже — омутистая, спокойная. Там вековые берёзы, как в зеркало, грустно смотрелись в речную гладь — что ни год, то новые морщины на некогда белоснежных стволах.

— Срочно запечатлеть для потомков! Где фотоаппарат?

— Чего не знаю, того не знаю. Верунчик, давай договоримся: у меня — своё рыбацкое, у тебя...

— Моё дурацкое?

— Не угадала. У тебя — всё остальное.

— Смотри, Лёшенька, прогадаешь! Всего остального очень много.

Пока Верунчик, спустившись к воде, примерялась к роскошной речке курсами-фокусам, Лёша занялся “своим рыбацким”. Вытащил из багажника лодку с поэтическим названием “Тузик” поливинилхлоридовый, распластал её на песочке, вставил в пазы сиденья и повернулся за “лягушкой”, то бишь резиновым насосом.

И замер с каменным лицом.

Запоздалая память с безжалостной услужливостью развернула перед его внутренним взором картинку. На этой картинке с фотографической точностью, с сумасшедшим количеством пикселей, во всём цветовом богатстве была изображена часть прихожей с входной дверью. Ужас притаился в углу, справа от двери.

Удочка!

С рыбацкой сумкой!

В которой всё, от крючка до наживки!

Ну, как?! Как Кузюкину удалось вместе с удочкой и сумкой не забыть взять в дорогу голову?! Фантазмагория! Неразгаданная тайна серого вещества!

— Лёшенька, тут такие кадры!.. — словно из параллельного мира доносился восторженный голос жены.

В следующую секунду Верунчик вздрогнула и чудом не уронила фотоаппарат в светлые воды Ловью. Сосновый бор испуганно притих. Он много чего понаслушался на своём вечнозелёном веку, но такого вопля, такого знания парашафов неизящной словесности он не знал.

— Лёша, что случилось? — тревожно запрашивал параллельный мир.

Какие у неё огромные глаза! С какой изящной лёгкостью она взлетела на речной обрыв! Грациозная лань из роскошной сказки!

— Лёша!..

Кузюкин стоял памятником нерукотворным самому себе, тупо уставившись в багажник родимого автопрома, словно там в развёрнутом виде лежала его трагическая судьба.

Говорили тебе, Кузюкин, говорили: женщина и рыбалка несовместимы, как губная супернежная помада и банка грязно-коричневого солидола. Говорили ведь!..

Ладно, не добивать же Лёшу Кузюкина в минуту тяжёлой утраты. Успокойте бы, отвести от его несчастного сердца секиру инфаркта. Пусть лучше Верунчик...

Она сразу всё поняла. Приобняв, нежно погладила по голове... и столбняк начал отпускать благоверного. Она тихонько щebetала ему о чём-то, тут и бор стал нащёптывать успокаивающее, и бабочка села на рукав его штормовки...

Жизнь продолжается, Кузюкин! Выше голову! Вполне возможно, что мир способен выжить без удочки и рыбацкой сумки, хотя это ещё не проверено.

— Отдохнём, грибочков поищем, — нащёптывала Верунчик. — Я книжку взяла с собой.

— Вера!

Вера вместо Верунчик — это очень серьёзно. Это как окрик: “Стой, кто идёт!” Такое заставляет вспомнить семейнообразующую истину: жены должно быть ровно столько, чтобы её чуточку не хватало.

— Не расстраивайся, Лёшенька, — перешла она на голубиное воркование. — Я погуляю с фотоаппаратом, а ты успокойся. Потом чай будем пить, у меня такие ватрушки!..

Нет, женщине спеты далеко не все гимны, “полные любви и удивленья”.

Проводив взглядом Верунчика, Кузюкин глубоко вздохнул, и это помогло ему вспомнить, что ещё неделю назад он собирался подкачать передние шины. Да, шевелиться надо, двигаться, чтоб крыша не съехала, чтоб стропила не трещали. Движение — это жизнь!

Стараясь не встречаться взглядом с бездыханной лодкой, коварно разложенной на песке, он стал извлекать из-под складных сидений, из-под столика, из-под неприлично расплывшей сумки автомобильный насос.

— Лёшенька! — донеслось певуче с опушки бора.

Кузюкин ещё глубже вздохнул и страдальчески поморщился.

— Лёшенька, тебе удочка нужна?

Переступавший с ноги на ногу Кузюкин замер. Почему он не падал, стоя на манер Пизанской башни, могут ответить только в клубе “Что? Где? Когда?” В следующую секунду он, словно пущенный из осадной катапульты, был возле Верунчика.

— Где?

Очаровательно улыбаясь, она игриво указала пальчиком... кажется, в сторону северо-северо-востока.

...Она стояла, прислонённая к матёрой сосне, как часовой на стратегически важном посту. Никто не знает, кто её туда поставил, сколько ей пришлось стоять здесь без смены караула, забытой всеми разводящими. Но разводящий пришёл и снял её с поста. И палкоподобная, кривоватая, но милая до святой слезы удочка была счастлива.

Мало того, удочка оказалась в полной боевой готовности: слегка поржавевший крючок на толстой леске, грузило в виде маленького болтика, поплавочек, выстроганный из сосновой коры. Сияющий Кузюкин поднял глаза на своего Верунчика. И было в его взгляде столько благодарности, нежности

и восторга, что она вмиг почувствовала себя на высоченных каблучках, с потрясающей причёской “А ля метагалактика”, в блистающем сверхзвёздами бальном платье и в разящем налево и направо макияже...

— Верунчик! Ты... ты богиня!

Интересно, кем бы она была, найди она ему американский спиннинг “Шекспир” с добротной плетёнкой на японской безынерционной катушке “Шыmano” вместе с набором вышколенных финских блёсен?

— Верунчик! — После упражнения с непристойными параграфами так трудно находить слова! — Я... я попробую на хлеб.

— На хлеб?! — Верунчик соскочила с высоких каблучков и посмотрела на него, как на неумеху, завалившего экзамен на звание “чайника”. — Тут что, короеды не водятся?

Ничего себе! Может, это не Верунчик, а загримированный под неё рыбак экстракласса?

— Дай нож. Я короедов поищу, а ты лодку надуешь.

Причёска “А ля...” вместе с макияжем “Супер” растаяли, как дым, как утренний туман.

— А ба-баночка? — вовсе растерялся Кузюкин.

— У меня пакетик есть, — сказала Верунчик, похлопав себя по вечернему... э-э, по карману джинсов.

Она протянула руку за ножом, и для Лёши это был самый подходящий момент, чтобы грозно крикнуть: “Ты кто? Колись!”

Вместо этого Кузюкин покорно пошёл давить “лягушку”. Чтобы лодка была надёжно надута, “лягушку” надо придавить раз двести, пока она не устанет квакать.

Верунчик вернулась, когда резиновое судно с интригующим названием “Тузик” готово было доказать, что собаки отлично плавают.

— Хватит?

В пакетике самодовольно шевелились десятка два раскормленных короедов.

— Да ты... — Кузюкин снова растерял подходящие слова.

— Знаю: богиня, — кокетливо улыбнулась жена. — Теперь будет уха?

— Верунчик, царская!

— Хвались, хвались. Ты как похвалишься, так ничего не поймашь.

— Ну... без прикормки бешеного клёва, конечно, не будет...

— Как?! Ты ведь сказал, что взял прикормку!

— Прикормку-то взял, а вот прикормочница, сеточка такая, там осталась, — махнул рукой в ту сторону, где предположительно должен находиться правый угол прихожей у входной двери.

Верунчик хмыкнула неопределённо, открыла дверь машины и села на заднее сиденье.

Лодка уже полоскала в речке свой задранный поливинилхлоридовый нос, когда на краю обрыва показалась жена. В её руке был кусок светло-коричневого капрона.

— Лёшенька, этого хватит?

— Ну, ты даёшь! Ты что, колготками пожертвовала?

— Они у меня расплзлись, вчера ещё хотела выбросить.

— Верунчик!..

— Знаю, знаю!

Стосковавшаяся в одиночестве палкоподобная удочка старалась изо всех своих деревянных сил. Она уже подцепила десятка полтора хороших ельцов и успокаиваться на этом не собиралась. Время от времени жена, не выпуская из рук фотоаппарата, подходила к обрыву и смотрела на рыбака со снисходительной улыбкой. Это была улыбка победителя безжалостных обстоятельств.

— Верунчик, а лавровый листик у тебя есть? — радостно спрашивал Кузюкин, словно читал любимые стихи.

— Есть.

— А лучок, а перчик, чёрненький такой, горошком? — рвалось из его благодарной души. — А...

— Лёша, запомни! — назидательной прозой ответила Верунчик. — Я без лаврового листа, перца и колготок на рыбалку не езжу!

Уха, конечно, была. Лично я ушицы из их котелка не отведал, но верю этой милой паре: получились она поистине царской.

О чём бишь я? Ах, да!.. Жён беречь надо! Оберегать, охранять, ограждать от всего, что может нарушить их божественное спокойствие, душевное равновесие и, понятно, драгоценное здоровье. А для этого надо, надо брать их на рыбалку!

Тем более что рыбалка легко становится понятием женского рода.

ЁК-МАКАРЁК

РАССКАЗ

— Хе-хе-е, ёк-макарёк! Ты чего эт вынырнул? Какого ляда ты тут не видал?

Это дед Селиван, сидя над своей лункой, ерша журит. Держит его на мормышке в подвешенном состоянии и выговаривает. Ерш чуть больше ногтя. Изогнулся колечком, не трепыхается, ждёт своей участи. Дед снял его с крючка, бросил в лунку.

— Нырйай, ёк-макарёк. Чтоб я тебя, фулюгана, не видал тут больше. Вся курью захватили тараканы, ёк-макарёк!

Любит дед Селиван с рыбой беседовать. И не только с рыбой. Червяку, мотылю найдёт что сказать, и всякой твари, всякому предмету окружающего мироздания слово у него припасено. Всё достойно беседы с дедом Селиваном.

— Ты меня, конечно, извиняй, — винится он перед червём, — такая у нас с тобой служба, ёк-макарёк. Велено нам с тобой рыбку ловить. Ты с одного конца, а я тут вот, с другого!! Меня не ругай, не я порядок придумывал, ёк-макарёк.

Ростом дед невысок и худощав, на перепаханном морщинами лице нос сизой картошкой красуется, жидкая бородёнка неухоженная вперёд топорщится. Сидит он на деревянном ящичке, старый кожух бечёвкой перепоясан, шапка солдатского кроя одно ухо свесила, будто прислушивается. Не зябко деду — хорошо греют просторные ватные штаны и валенцы, собственной, видать, рукой подшитые. Терпеливо сидит, никакого недовольства вялым клёвом не выказывает.

Кажется, что с лица его никогда не сходит добродушная улыбка. Вторую мормышку подряд о сорное дно оборвал, третью на леске вяжет, а лицом вроде улыбается. Но язык своё знает:

— Ты там рот-то не разевай, ёк-макарёк, не цепляй что попало. Мне вас всё ж таки за деньги в городе дают. Окушка мне цепляй, да поядрёней.

Моя лунка близко от деда Селивана, каждое слово слышу. Слушаю да усмехаюсь. Занятный дедок. Он местный, из деревеньки, край которой отсюда, из курьи, виден. Всяк рыбачок в курье его знает.

— Здорово, дед Селиван! Клюёт?

— Клюёт, ёк-макарёк, да в самое темя, хе-хе.

Вот мужик тучноватый по льду вышагивает с буром наперевес, вроде винтовки с примкнутым штыком. В пухлой камуфляжной куртке, в таких же штанах и рыбацких бахилах он ещё тучнее кажется. Прямо на деда правит.

- Здоров живёшь, дед Селиван!
- А то как же, Аркаша, здоров! Стропила держат, ёк-макарёк?
- Держат, дед. Твоими-то молитвами! Примешь?
- А нальёшь, дак и чего ж!

В Аркашину руку как бы сама собой вспрыгнула бутылка, а другой рукой он уж стопку гранёную из кармана вытянул. Пока дед под сизую свою картошину стопочку опрокидывал, Аркаша, как фокусник, и сосиску варёную ему протянул.

— Ы-ы! — рыкнул дед Селиван, потешно тряся бородёнкой. — Сладкая попалась. А ты-то чего?

— Я уж с мужиками. Вон скучковались, гогочут. Анекдоты травят.

— Ну, эт как водится, ёк-макарёк. Самое весёлое время, когда не клоёт.

Сюда я повадился ездить только в эту зиму, прежде и не знал, что есть на Вычегде такая курейка. Она бы и немудрящая, но уж больно уютна. С правой стороны спелый лес стоит, слева — старый ивняк плотной стеной вытянулся, а вдали, на пригорке, — избяные думы небо подпирают. Морозный ветер не шибко тут буянит; оно и добро. Опять же рыбаков в курье этой не так много набирается, никто не станет лунку бурить под твоим задом. Ну, и что, коль не очень рыбная курейка? Не ради ведь промысла наш брат зимние дороги на колёса наматывает.

С дедом Селиваном, можно сказать, в первый же час познакомились: “Мы тут всех примаем, которые без динамиты”.

Так получалось, что наши лунки частенько оказывались рядом, и мало-помалу я кое-что узнал о немудрёной жизни его деревенской. Что уж там мудрёного, коли всю жизнь на скотном дворе мантулил. “Жизнь моя, — сказал дед, — сплошные палочки”. Это значит, трудодни колхозные, их палочками копечными отмечали. Да ещё заплатят ли... За такую жизнь деду Селивану, может, памятник надо ставить прямо возле скотного двора. Но колхоз стал совхозом, который потом развалился вместе со скотным двором. И не осталось на земле места, где бы деда Селивана можно было увековечить. Так вот и живёт без памятника со старухой своей, бывшей дояркой.

От рюмашки дедова картоха из лиловой постепенно становилась красной. Стало быть, на пользу пошла “сладкая”.

— Слышь, майор!

Дед Селиван почему-то майором меня зовёт. Вроде, не пытался я тут командовать, с чего бы майором стать? Сразу ему не сказал, что как был в молодости сержантом, так им и остался, а теперь вроде и не к месту сознаваться.

— Слышь, что говорю: я его ругаю, а он мне наливает. Вот дела, ёк-макарёк!

— Аркаша-то?

— Ну, да. Он у меня по соседству дом ставит. Гляжу, стропила слепил как попало. Ты что ж, говорю, ёк-макарёк? Подломятся, говорю, снега-то у нас будь здоров! Ну, переделал. На другой день подошёл, налил.

— А сейчас за что?

— Да за что... Вчера гляжу — он на ступеньках лёд топором рубит, аж крихтит. Я его и ругнул, ёк-макарёк. Этак за год все ступени изрубит.

— Выходит, за науку наливает?

— Ну, да, за науку, а то за что ж.

— И часто ты его ругаешь?

— Ругаю. А чтоб часто, не скажу. А то ещё осерчает, доской навернёт, ёк-макарёк.

Выдернул дед Селиван очередного ершиного лилипутика, поговорил с ним по-хорошему; на меня обернулся:

— Слышь, майор, что скажу тебе. Где ты сидишь, там у тебя клевать не будет.

— Это почему?

— А потому: налим там стоит, ёк-макарёк. Он ерша ко мне сюда согнал. Ты возьми да вылови его, фулогана. Я на неделе двух там взял.

— Чем же я его? Никогда налимов не ловил.

Дед Селиван крикнул досадливо и без слов полез в свою сумку. Выпротстал из неё моток толстой лески с огромным крючком и грузилом на конце, привязал его к палке, что была воткнута в снег.

— Забирай, майор! Вот тебе жирный червяк, сам нанижи.

Смотал я свою удочку с тончайшей леской и ювелирного вида мормышкой, пустил в лунку дедову снасть с жирным червём. Сижку, жду от моря погоды.

А деда Селивана рюмашка разогрела, язык на привязи не держится.

— Ах, ты, ёк-макарёк! Опять вынырнул! Я ж сказал, чтоб ноги тут твоёй не было!

Опять на его мормышке ёрш с ноготок колечком висит. Может, правда тот самый?

Потом дед снова с червём побеседовал, лунку пожурил за то, что очень уж быстро ледком покрывается... Я и не заметил, как под его говорок задремал над лункой.

— Эй, майор! Налима проспишь, ёк-макарёк! Проверь-ка, он прорва не насытная, а тихонько берёт. Возьмёт и сидит, пережёвывает.

Взялся за снасть. Не идёт что-то. Зацеп или, правда, налим? Сонливость с меня вмиг слетела.

— Вроде, есть что-то, — говорю.

— Дак и того, поднимай, ёк-макарёк! — Дед Селиван был уже возле лунки. — Поднимай, теперь не уйдёт!

Рыбина упиралась вяло, но у самой лунки ей вздумалось свернуться кольцом, в точности, как ёршик.

— Тащи, майор!

— Куда тащить? Он же вперёд хвостом идёт!

— Говорю тебе, тащи, ёк-макарёк!

Вот уже конец хвоста из лунки торчит. Уйдёт! Свободной рукой я схватил этот хвост, да куда там! Налим, он и есть налим — скользкий, как намыленный.

— Не дёргай! — заорал дед. — Не дёргай, ёк-макарёк, я сам!

Не успел я опомниться, как он упал на колени, быстро наклонился и хватанул зубами налимиий хвост.

Р-раз! И рыбина шмякнулась на лёд. Кило с лишним потянет.

Дед Селиван встал на ноги, отплевался.

— Дёргает, дёргает, ёк-макарёк! А зубы на что?

А меня смех пробрал.

— Ловко же ты его!

— А то не ловко... Фамилия-то у меня какая, знаешь?

— Нет, не знаю.

— Э-э... Налимов я! Налимов, ёк-макарёк!